

О. Е. ПОХАЛЕНКОВ
(Россия)

“Свое” и “чужое” в романе Э.М. Ремарка “Возвращение” и повести В. Некрасова “В родном городе”

Сопоставление произведений, разноязычных, отстоящих друг от друга по времени создания, принадлежащих перу разных авторов, не может быть обусловлено только исследовательским любопытством, обязательным требованием является наличие объективных точек соприкосновения. В случае с материалом исследования, результаты которого представлены в данной статье, – романом Э.М. Ремарка “Возвращение” (1931 г.) и повестью В.П. Некрасова “В родном городе” (1954 г.) – можно утверждать о существовании нескольких точек соприкосновения. И в том, и в другом произведении повествуется о войне (Ремарк пишет о Первой мировой, Некрасов – о Второй мировой), повествование ведется от первого лица, рассказывается история возвращения к мирной жизни поколения, пришедшего с войны. Наблюдается совпадение отдельных элементов мотивной структуры (например, мотив дружбы, мотив встречи с родными и др.).

Случайность этих совпадений опровергается и их многочисленностью, и признанием самого В. Некрасова*, который, по его словам, “слыхом не слыхал, что такое социалистический реализм, боготворил Ремарка, а не Фадеева с Островским” [Некрасов 1990: 15]. Л. Лазарев, близко знавший Некрасова, вспоминает: “Повесть “В родном городе” сильно долбали на конференции. Тогда на повести Некрасова опробовалась увесистая идеологическая дубина – “ремаркизм”, которая через пять лет будет лупить направо и налево талантливую молодую прозу. Некрасов, выступив на конференции, дал бой: “Упреки в ремаркизме я слышал давно, еще по поводу первой моей книги. Слышу я их и сейчас. Но есть ли какие-либо основания для проведения параллелей между “Возвращением” Ремарка и моей книгой? Кое-какие, пожалуй, есть. И тут и там война, и тут и там возвращение. Но война – вещь сложная. <...> И хотя война 1914 года не похожа на нашу Отечественную, а герои Ремарка – на наших солдат, что-то общее между ними, между их переживаниями, безусловно, есть” (Лазарев 2005: 25).

В западном литературоведении также время от времени поднимается вопрос о преемственности между традициями в изображении военных событий в ли-

* Следует отметить, что и после эмиграции Некрасов не отказался от своих слов: “Zuvor war meine sorgsam gehütete Mappe bei Twardowski gawesen (er empfahl das Manuskript der Zeitschrift), erhalten hatte er sie von Wladimir Alexandrow, dem bekannten Kritiker und Spassvogel, der die ganze Zeit dafür Stimmung machte: “Ein einfacher Offizier, Frontsoldat, keine blasse Ahnung davon, was sozialistischer Realismus ist... Sie sollten es unbedingt lesen!” Ja – Keine blasse Ahnung! Remarque hatte ich gelesen... <...> alle begeisterten sich damals für ihn” (Nekrassow 1992: 326).

тературах о Первой и Второй мировых войнах. Джон Книбб, например, отмечает определенную трансформацию образов, мотивов, элементов построения сюжета: “We noted from writers of two wars that while their texts eschewed all earlier forms of war writing as inappropriate – unreal, as they have become to Second War writers – the shift in areas of interest generated by such “wars” issued a kind of defiant interpellation of texts of those wars to rehearse such new considerations” (Knibb 1990: 21).

В сравнительном литературоведении принято говорить о прямом влиянии, если оно подтверждается словами самого автора. Известный компаративист Диониз Дюришин отметил, что “проблема разграничения генетических связей и типологических схождений на практике вовсе не так проста, как может показаться на первый взгляд, потому что исследователь на каждом шагу сталкивается с их взаимоперекрещиванием и взаимосвязанностью” (Дюришин 1979: 190). На наш взгляд, обнаружить влияние Ремарка в традиционном значении этого понятия будет непросто, так как необходимо учитывать многие факторы. Литературная модель западного автора не копируется, а участвует в формировании нового художественного смысла заимствующего произведения. Воспринятые элементы включаются в своеобразное “внутреннее поле”, их смысл усложняется. Этот процесс обусловлен идейно-художественной спецификой вступающих в контакт текстов, свойствами аллюзий, реминисценций, типологических схождений, проявляющихся, в первую очередь, в общности образов и мотивов.

Сравнительно-сопоставительный анализ романа Ремарка ‘Возвращение’ и повести Некрасова “В родном городе” будет проводиться с помощью оппозиции “свое – чужое”, что даст возможность проследить процесс формирования образа героя у обоих авторов: выявить типологические схождения и отличия. Особое внимание будет уделено анализу художественного мира произведений, в котором раскрывается образ персонажа и оппозиция.

В данной статье мы рассмотрим три стадии развития образа, анализ которых покажет, как постепенно менялось восприятие героем действительности и как он пришёл к осознанию своего отличия от других персонажей

В произведениях Ремарка и Некрасова выделяется несколько пространственно-временных сфер. Первая из них – “война”. Она соответствует стадии развития образа “солдат”. Вторая – “мирная жизнь” – послевоенному существованию персонажей. Это стадия развития – “сын/муж”. Кроме того, в сфере “мирная жизнь” мы выделяем особый вид оппозиции “я – другой”, которая будет также проанализирована.

I стадия – “солдат”

В романе “Возвращение” можно обнаружить две пространственно-временные сферы – “война” и “мирная жизнь”. Действие начинается именно с первой – “война”. Герой – повествователь Эрнст Биркхольц – находится на передовой и рассказывает о последних днях войны. С его слов мы узнаем, что близкий мир совсем не радует его, так как он несет неизвестность и, главное, расставание с товарищами.

Это подчеркивается и в тексте: *“Der Novemberwind pfeift über den leeren Kasernenhof. Immer mehr Kameraden gehen. Wie lange noch, und jeder ist wieder allein”* (Remarque *Der Weg*).

Следует отметить, что в сознании героя родина ассоциируется не с отчим домом, как у обычного человека, а с фронтовой траншей, окопом и местом, где похоронены его боевые товарищи. Подобное восприятие может быть выражено оппозицией “свое – чужое”, которая позволяет раскрыть и объяснить такое разделение Ремарком художественного пространства. Ю.М. Лотман отмечает, что “структура художественного текста” отмечал, что самые общие социальные, религиозные, политические, нравственные модели мира наделены пространственными характеристиками на основе оппозиции “близкое (свое) – далекое (чужое)” (Лотман Структура).

Именно на оппозиции “свое – чужое” строится художественное пространство сферы `война`. Причем она реализуется не в традиционной форме: чужое становится для Биркхольца своим, а свое – чужим.

Следуя за развитием сюжета, мы обнаруживаем, что к моменту заключения перемирия и возвращению домой Биркхольц осознавал пространство войны своим. Подобное искаженное представление о мире проявляется и в оценке себя: *“Alte Leute mit Bärten und schmale, noch nicht zwanzigjährige, Kameraden ohne Unterschied. Neben ihnen ihre Leutnants, halbe Kinder, aber Führer in vielen Nächten und Angriffen. Und hinter ihnen das Heer der Toten. So ziehen sie vorwärts, Schritt um Schritt, krank, halbverhungert, ohne Munition, in dünnen Kompanien, mit Augen, die es immer noch nicht begreifen können: Entronnene der Unterwelt — den Weg zurück ins Leben”* (Remarque *Der Weg*).

Некрасов, в отличие от Ремарка, не включает в прямую цепочку повествования пространственно-временную сферу “война”. Она дается автором ретроспективно – в воспоминаниях героя Николая Митясова о передовой, фронтовых друзьях и др. Оказавшись в госпитале из-за ранения, он постоянно возвращался в своих мыслях к событиям на фронте: “Вспомнил и всех своих друзей, - и последних, и сталинградских, и первых дней войны, когда он был еще в запасном полку, и, как это всегда бывает, вспоминалось почему-то не страшное и тяжелое, связанное с войной, а какие-то веселые, забавные случаи, все то хорошее и сближающее людей, что встречалось ему за эти последние три года. И так вдруг захотелось туда, к своим разведчикам, к своему связному Тимошке, замполиту Кадочкину, Лободе, туда, где есть для тебя настоящее дело, где ты чувствуешь себя нужным, что Николай решил сейчас же поговорить с замполитом госпиталя о своей скорейшей выписке` (Некрасов В родном городе). Как видно из фрагмента, Некрасов сохраняет в своей повести дихотомию “свое-чужое”. Митясов, как и Биркхольц Ремарка, не может адаптироваться, ощущает себя чужим и подсознательно хочет вернуться назад на фронт.

II стадия – “сын/муж”

Традиционно образы дома и семьи воплощают место, куда человек стремится вернуться, и людей, с которыми ему комфортно находиться рядом. Оказавшись дома, Биркхольц хочет опять стать частью “своего” пространства и найти понимание в кругу семьи. Однако он продолжает ощущать пространство войны даже в родном городе. Биркхольц не возвращается постепенно к мирной жизни, как хотел прежде, а все чаще и чаще в мыслях противопоставляет себя своей семье и её ценностям. Ему становится все труднее и труднее ощущать себя в родном пространстве, так как для окружающих он продолжает оставаться ребенком, несмотря на изменения во внешности и приобретенный фронтовой опыт. Кроме того, находясь дома, он вынужден возвращаться в воспоминаниях к своему детству и юношеству, что заставляет с новой силой почувствовать разницу между прошлым и настоящим.

Противопоставление внутри себя ребенка и солдата ведет Биркхольца к душевному кризису, который провоцирует у него уже осознанное деление окружающего пространства на своё и чужое. Герой начинает позиционировать своих близких как “чужих”, прежде всего из-за отсутствия у них фронтового опыта. Эта оппозиция “ребенок-солдат” будет реализовываться и в дальнейшем. Герой не может снова стать тем мальчиком, которого семья провожала на фронт. Он осознает себя чужим в пространстве мирного времени, так как перестал быть его частью: `Sie sieht mich bekümmert an. “Manchmal bist du mir ganz fremd, Ernst, dann hast du ein Gesicht, das ich gar nicht an dir kenne.” “Ich muß mich erst gewöhnen”, – sage ich, `ich fühle mich noch immer so, als wäre ich hier nur auf Besuch” (Remarque *Der Weg*). Как и у Ремарка, следующая стадия развития образа Николая Митясова в повести ассоциируется с локусом “родной дом” и образом жены героя – Шурой. Как известно из экспозиции, перед уходом на фронт Николай оставил дома жену, к которой он стремился вернуться. Однако уже в начале повествования отмечается, что она переехала на другую квартиру. По поведению сообщивших это соседей Николай понимает, что они что-то скрывают. Позже, придя в ее новый дом, он случайно узнает об ее измене: *“Несколько минут Николай следил за мерно раскачивающимися фигурами, потом, не оборачиваясь, спросил, давно ли дядя Федя здесь живет. “Как давно?” удивился Вова. “Всегда. Мы из Уфы приехали, он уже жил...” (Некрасов В родном городе)*. Как видно из фрагмента, любовь, которую Николай испытывал к жене в своём довоенном прошлом, пропадает в контексте ситуации ее измены. Можно констатировать, что дихотомия “свой-чужой” сохраняется и в этой стадии образа, так как изначально образ жены принадлежал к части `свое`, однако после ее предательства переходит в категорию “чужое”.

III стадия. – “фронтowej товарищ”

Не найдя успокоения в кругу семьи, герои обоих произведений пытаются найти понимание у фронтовых друзей, так как подсознательно догадываются, что те, скорее всего, испытали подобные чувства.

Традиционно в ремарковедении считается, что солдатское братство (товарищество), которое родилось в окопах Первой мировой войны, оставалось той гаванью, которая поддерживала бывших фронтовиков. Однако в “Возвращении” это утверждение может быть оспорено, если его рассмотреть именно в ракурсе оппозиции “свой – чужой”.

Как следует из текста, причиной разрушения солдатского братства является социальное неравенство фронтовиков. Оказавшись в родном городе, сняв форму и надев штатский костюм, бывшие солдаты начинают делить однополчан на “своих” и “чужих”: *“Es sind noch unsere Kameraden, und sie sind es doch nicht mehr, das macht gerade so traurig. Alles andere ist kaputtgegangen im Kriege, aber an die Kameradschaft hatten wir geglaubt. Und jetzt sehen wir: Was der Tod nicht fertiggebracht hat, das gelingt dem Leben: es trennt uns”* (Remarque *Der Weg*). Отчуждение во фронтовом братстве возникает постепенно: сначала фронтовики держались сплоченно и следовали по инерции заведенному на фронте порядку, но с течением времени настоящее стало вмешиваться в их жизнь и менять социальные роли. Уважаемые на фронте солдаты в мирной жизни становятся безработными, а презираемые – богатыми коммерсантами. Подобное положение вещей отражается и в оппозиции “я – другой” (родственной “свое – чужое”), в которой компонент “я” ассоциируется с героем, а бывшие сослуживцы с “другими”. Все это заставляет героя чувствовать себя чужим и принять решение отказаться от окружающей его действительности.

Некрасов заставляет своего героя пройти несколько этапов в противопоставлении себя действительности. Согласно развитию сюжета, Николай пытался построить новые отношения с бывшей фронтовичкой Валентиной, работал учителем физкультуры – но нигде и ни с кем не мог найти утешения. После окончательно разрыва с женой Николай поступает в университет, где обретает новых товарищей и занимает свои дни учебой. Желая уйти от действительности, он неожиданно сталкивается с ней в лице бывшего фронтовика и своего друга Чекменя, который склоняет Николая к безнравственному поступку. Поставленный перед выбором, герой неожиданно осознает, что на стороне Чекменя – “своего” – многие такие же фронтовики: *“Мы таким, как Никольцев, мешаем, раздражаем их, мы им чужие... - Кто это мы? – тихо спросил Николай. – Мы? – Алексей, сощурившись, посмотрел на него. – Мы, это мы, советские люди”* (Некрасов *В родном городе*). Осознание своего отличия от группы “свои” заставляет Николая противопоставить себя советской действительности, т.е. возникает оппозиция “я – другой”. Данная оппозиция реализуется следующим образом: герой (компонент “Я”) является для всех остальных персонажей, подобных Чекменю, `другим`, так как не принадлежит советской действительности – не хочет стать таким же.

Таким образом, можно сделать вывод о несомненном контакте Ремарка и Некрасова, который нашел свое выражение в общих для двух произведений стадиях развития образа героя, сходной реализации бинарной социокультурной оппозиции “свой – чужой” и прочих параллелей. Следует также отметить, что особенности пространственно-временного деления художественного мира “Возвращения” и “В родном городе” имеют много общего с пространством более поздних произведений авторов: то же деление на “свое – чужое”, образ Другого и др. Это дает возможность предположить, что в дальнейшем оба писателя отталкивались не только от исторического контекста – прихода к власти нацистов, советской системы и вынужденной эмиграции – но и развивали литературные модели, найденные ими в своих первых произведениях.

Литература

- Dyurishin, Dioniz. Teoriya sravnitel'nogo izucheniya literatury: per. so slovats. / predisl. Yu.V. Bogdanova. M.: Progress, 1979. (Дюришин, Диониз. Теория сравнительного изучения литературы: пер. со словац. / предисл. Ю.В. Богданова. М.: Прогресс, 1979).
- Lazarev, Lazar. Zapiski pozhilogo cheloveka: Kniga vospominaniy. M.: Vremya, 2005. (Лазарев Л. Записки пожилого человека: Книга воспоминаний. М.: Время, 2005).
- Lotman, Yurji. Struktura khudozhestvennogo teksta. Web. 13 April 2015. http://on4a.narod.ru/lotman_struktura_teksta_web.pdf; Internet. (Лотман, Юрий. Структура художественного текста http://on4a.narod.ru/lotman_struktura_teksta_web.pdf).
- Nekrassow, Viktor. V rodnom gorode. Web. 13 April 2015. //<http://lib.ru/PROZA/NEKRASOW/dear-town.txt>; Internet. (Некрасов, Виктор. В родном городе //<http://lib.ru/PROZA/NEKRASOW/dear-town.txt>).
- Nekrassow, Viktor. `Tragediya moego pokoleniya: “V okopakh Stalingrada”`: do i posle. Literaturnaya gazeta. 12 sentyabrya 1990: 37 (Некрасов, Виктор. `Трагедия моего поколения: “В окопах Сталинграда”`: до и после. Литературная газета. 12 сентября 1990: 37).
- Knibb, John. “Literary strategies of war, strategies of literary war”. Literature and war. Eds. David Bevan. Amsterdam: 1990.
- Nekrassow, Viktor. “Vierzig Jahre danach”. Stalingrad. Mit dem Nachwort des Autors zur russischen Ausgabe 1981 im Possev-Verlag. Frankfurt am Main: 1992.
- Remarque, Erich Maria. Der Weg zuru"ck. Web. 13 April 2015. <http://fb2.mbookz.ru/index.php?id=8971>; Internet.

Oleg Pohalenkov
(Russia)

**“Own” and “alien” in the Novel “The road back” by E.M. Remarque and
the Story “In the Hometown” by V. Nekrassow**

Summary

Key words: E. M. Remarque, “The road back”, V. Nekrassow, “In the hometown”, comparative literature, image of the main character.

The article is devoted to the comparative analysis of the image of the hero in the war prose about the First and the Second world war. The study highlighted common stages, which are typical of the main character of Remarque and Nekrassow. The features of the stages are described with the help of the opposition “own” – “alien”, allowing to trace the transition from stage to stage, as well as to examine the system of the characters in the novels with more detail.

Within the stage of “soldiers” that develops during the stay of the heroes at the front, the Remarque’s central character, Birkholz is characterized by an unconventional attitude towards the end of the war and his future return to home: for him, the front becomes a “native place” (as it is related to his fellow soldiers), and the upcoming world carries only the unknown. Such attitudes are further reflected at the level of the opposition “own” – “alien”, the components of which are reversed: the “own” for Birkholz becomes “alien” and “alien” is “own”. Despite the development of the fable – the exception of the space-time sphere of “war” – Nekrassow makes his hero (Nicholas Mitasov) return (in flashbacks) to his front-line experience. Returning to the ruined city and leaving friends-fellow soldiers causes Birkholz the feeling that he is an ‘outsider’ and the desire to return back to the front, where he feels his ‘own’ place.

The second stage of the images is “son/husband” – shows Birkholz and Mitasov in the space-time sphere of “peaceful life”. It is noteworthy that both the heroes, arriving in his hometown, immediately are forced to oppose the peaceful life and the characters who are in their private circle: father, mother, wife, etc. In Remarque’s novel this opposition is based on the past life. For his family the main hero continues to be a sixteen-year-old boy, who went to the front, and the relation to Birkholz as an adult, a soldier who saw death and was close to death, on their part does not change. Gradually it leads Birkholz to the opposition of himself and his family and the reluctance to classify themselves as a component of “own” – he becomes “alien” in peaceful life. Mitasov has a similar attitude to the fact, which was actually caused by the cheating of his wife. Arriving from the front, the hero of Nekrassow learns of her betrayal, and love that Nicholas had for his wife in his pre-war past, is lost in the context of the situation of her infidelity. It can be stated that the dichotomy “alien” is “own” and will remain in this stage of the image as the image of his wife belonged to the part of “own”, but after her betrayal goes into the category “alien”.

The last stage is “front-line comrade” – gives us the opportunity to examine in more detail the system of characters – the soldiers’ brotherhood. Traditionally it is be-

lieved that the soldiers' brotherhood, which appeared in the trenches of the First world war, remained the harbour, which supported former front-line soldiers. However, in the 'The road back' this statement may be challenged if we consider it in the perspective of the opposition “own” and “alien”. According to the text, the cause of the destruction of the soldiers' brotherhood is the social inequality of soldiers. Once in his hometown, removing the form and put on civilian clothes, ex-soldiers begin to divide the soldiers into “own” and “alien”.

Nekrassow also shows his character in his opposition to the reality. Nicholas tries to build a new relationship with an ex-soldier Valentina, then works as a gym teacher but nowhere he can find consolation. After his final break up with the wife Nikolai enters the University, where he finds new friends and studied all day long. Wanting to get away from reality, he unexpectedly encounters it in the person who is a former war-veteran and even his friend. This man inclines Nicholas to an immoral act. Faced with the choice, the hero suddenly realizes that on the side of other types of “own” – many of such veterans and belongs to the other type – “alien”.

So, we can conclude that there is an undoubted literary contact between Remarque and Nekrassow. It can be found in common to the both works stages of the development of the characters, similar implementations of the binary opposition of “own” and “alien” and other parallels.

ოლეგ პოხალენკოვი (რუსეთი)

„თავისი“ და „უცხო“ რემარკის რომანში „დაბრუნება“ და ნეკრასოვის „მშობლიურ ქალაქში“

საკვანძო სიტყვები: რემარკი, „დაბრუნება“, ნეკრასოვი, „მშობლიურ ქალაქში“, შედარებითი ლიტერატურათმცოდნეობა, გმირის სახე

სტატია ეთმობა გმირის სახის შედარებით ანალიზს პირველი და მეორე მსოფლიო ომების შესახებ დაწერილ საომარი თემატიკის პროზაში. კვლევის პროცესში გამოიკვეთება რემარკისა და ნეკრასოვის ტექსტების ცენტრალური პერსონაჟებისათვის საერთო სტადიები, რომელთა თავისებურებები იხსნება ოპოზიციის – „შენიანი“/„უცხო“ დახმარებით, რაც საშუალებას გვაძლევს თვალი გავადევნოთ სტადიიდან სტადიაზე გადასვლას, ასევე – უფრო დაწვრილებით განვიხილოთ ნაწარმოების პერსონაჟთა სისტემა.

„ჯარისკაცის“ სტადიის ფარგლებში, რომელიც გმირების ფრონტზე ყოფნის პერიოდში ვითარდება, რემარკის ცენტრალური პერსონაჟი ბირკჰოლცი ხასიათდება არატრადიციული დამოკიდებულებით ომის დამთავრებისა და სამშობლოში დაბრუნების ფაქტის მიმართ: მისთვის ფრონტი „მშობლიურ ადგილად“ იქცევა (იმდენად, რამდენადაც მის თანაპოლკელებთანაა დაკავშირებული), ხოლო სამყაროს, რომელიც წინ ელოდება, მხოლოდ გაურკვეველობა მოაქვს. მოვლენების მიმართ ასეთი დამოკიდებულება ასახვას ჰპოვებს „თავისიანი/უცხო“ ოპოზიციაშიც, რომლის კომპონენტებიც ერთმანეთს ადგილს უცვლიან: „თავისიანი“ ბირკჰოლცისათვის „უცხო“ ხდება და – პირიქით. ვაბულის მოქმედების განვითარების – დრო-სივრცული სფეროს გამოორიცხვის მიუხე-

დავად, ნეკრასოვის „ომი“ აიძულებს გმირს (ნიკოლაი მიტიასოვს) დაუბრუნდეს (თუმც მხოლოდ მოგონებებში) თავის საფრონტო გამოცდილებას. დანგრეულ ქალაქში დაბრუნება და მეგობარ თანაპოლკელებთან განშორება ბირკჰოლცში ინვევეს საკუთარი **„უცხოობის“** განცდას და საჩქაროდ ფრონტზე დაბრუნების სურვილს, სადაც ის თავს **„თავისიანად“** მიიჩნევს.

სახეების განვითარების მეორე სტადიაა – **ვაჟიშვილი/ქმარი** – ბირკჰოლცისა და მიტიასოვის არსებობა **„მშვიდობიანი ცხოვრების“** დრო-სივრცულ სფეროში. აღსანიშნავია, რომ ორივე გმირი, მშობლიურ ქალაქში დაბრუნებისთანავე, იძულებული გახდა დაპირისპირებოდა მშვიდობიან ცხოვრებას და პერსონაჟებს, რომლებიც მათი უახლოესი გარემოცვის ნაწილს შეადგენენ: მამას, დედას, ცოლს და ა.შ. რემარკთან ასეთი დაპირისპირება წარსულს ეფუძნება. შინაურებისათვის გმირი იმ თექვსმეტი წლის ყმანვილად რჩება, რომელიც ფრონტზე გააცილეს. მათ არ შეუცვლიათ დამოკიდებულება უკვე ზრდასრული პიროვნების, ჯარისკაცის მიმართ, რომელმაც საკუთარი თვალთი იხილა უამრავი სიკვდილი და თვითონაც არერთხელ ყოფილა მასთან სულ ახლოს; თანდათანობით ამ დამოკიდებულებას ბერტჰოლცი მათთან დაპირისპირებამდე მიჰყავს, არა აქვს სურვილი ისინი **„თავისიანებს“** მიაკუთვნოს და თვითონაც **„უცხო“** ხდება მშვიდობიან ცხოვრებაში. მატიასოვის მსგავს დამოკიდებულებას სინამდვილისადმი ცოლის ღალატი ინვევს. ომიდან დაბრუნებული ნეკრასოვის გმირი ცოლის ღალატის შესახებ შეიტყობს და სიყვარული, რომელსაც წარსულში მის მიმართ გრძნობდა, ქრება. შეიძლება შევაჯამოთ: დიქოტომია **„თავისიანი“/„უცხო“** სახეების ამ სტადიაზე ნარჩუნდება, იმდენად, რამდენადაც თავდაპირველად ცოლის სახე **„თავისიანის“** შემადგენლობაში იყო, მაგრამ ღალატის შემდეგ **„უცხო“** კატეგორიაში გადაინაცვლებს.

გმირის სახის განვითარების ბოლო სტადია – **„ფრონტელი ამხანაგი“** საშუალებას გვაძლევს უფრო დანვრთვებით განვიხილოთ პერსონაჟთა სისტემა – **ჯარისკაცთა საძმო**. რემარკისმცოდნეობაში ტრადიციულად ითვლება, რომ ჯარისკაცთა საძმო (ამხანაგობა), რომელიც დაიბადა პირველი მსოფლიო ომის სანგრებში, იმ ჰავანად რჩებოდა, რომელიც ყოფილ ფრონტელებს ერთმანეთთან აკავშირებდა. მაგრამ **„დაბრუნებამი“** ეს მტკიცება საკამათოა, თუკი მას სწორედ **„თავისიანი“/„უცხო“** რაკურსით განვიხილავთ. როგორც გამომდინარეობს ტექსტიდან, ჯარისკაცთა საძმოს დაშლის მიზეზად ფრონტელთა სოციალური უთანასწორობა გვევლინება. მშობლიურ ქალაქში დაბრუნებულებს, სამხედრო ფორმის გახდისა და სამოქალაქო ტანსაცმელში გადაცმის შემდეგ, ყოფილი ჯარისკაცები თანაპოლკელებსაც **„თავისიანებად“** და **„უცხოებად“** ჰყოფენ.

ნეკრასოვიც გვაჩვენებს თავისი გმირის დაპირისპირებას რეალობასთან. ნიკოლაი ცდილობს ურთიერთობა ააწყოს ყოფილ ფრონტელ ამხანაგ ქალთან, ვალენტინასთან, მუშაობს ფიზიკულტურის მასწავლებლად, მაგრამ ვერსად და ვერავისთან ნუგეშს ვერ პოულობს. ცოლთან საბოლოო განხეთქილების შემდეგ, უნივერსიტეტში იწყებს სწავლას, სადაც ამხანაგებს იძენს და დღეებს მეცადინეობაში ატარებს. ცდილობს რა გაექცეს რეალობას, ის მოულოდნელად პირისპირ ეჩხება მას, ყოფილი ფრონტელისა და თავისი მეგობრის, ჩეკმენის სახით, რომელიც ნიკოლაის უპატიოსნო საქციელისკენ უბიძგებს. არჩევანის წინაშე მდგარი გმირი მოულოდნელად აცნობიერებს რომ ჩეკმენის ანუ **„თავისიანის“** მხარეს ბევრი მისნაირი ფრონტელია. ამრიგად, შემოთქმულზე დაყრდნობით, შეიძლება დავასკვანთ, რემარკსა და ნეკრასოვს შორის არსებობს უეჭველი კონტაქტი, რომელმაც ასახვა ჰპოვა ორი ნაწარმოებისათვის საერთო სტადიებზე გმირების ხასიათის განვითარებაში, ანალოგიური რეალიზაციით ბინარულ სოციოკულტურულ ოპოზიციში **„შენიანი“/„უცხო“** და სხვა პარალელებით.